

J A K E N E I L S

ТОМ ПЕРВЫЙ
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Хроники Чародеев

THE CHRONICLES OF
WIZARDS

Jake Neils
Хроники Чародеев.
Том I. История 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39425160
ISBN 9785449381545*

Аннотация

1939 год, Королевство Венгерское, Будапешт. Сын бывших волшебников Марк Ковач окажется в центре событий, которые изменят мир, а сам он навсегда впишет свое имя в «Хроники Чародеев».

Содержание

1. Что за имя?	6
2. Зловещие сны	18
3. Кто ты и что ты тут делаешь?	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Хроники Чародеев

Том I. История 1

Jake Neils

– Эй, малой, шiel вон! – какой-то огромный тип оттолкнул меня в сторону. Я чуть было не упал, но смог устоять на ногах, а вот мешок с мукой упал со спины. В животе ныло и урчало. Я посмотрел вслед тому, кто так бесцеремонно повел себя так со мной. Высокий, толстый, в длинном пальто и с цилиндром на голове. В руке трость.

Только и успел подумать: «Чтоб ему пусто было!»

© Jake Neils, 2019

ISBN 978-5-4493-8154-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-8155-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Что за имя?

17 АПРЕЛЯ 1939 года. Будапешт, Венгрия.

Ветер сегодня особенно сильный и промозглый, я бы назвал его злым. Апрель в Будапеште всегда ветреный и холодный. Наверное, сегодня ветер дует со стороны Дуная, поэтому так плохо на улице. Пока работаешь – не замечаешь, а когда доходит до того, чтобы просто пройти по улице, становится не по себе. До ночлежки оставалось идти не меньше четырех кварталов. Я шел, вперед понимая, что сегодня я снова окажусь без ужина. Мало работы – мало монет. Да и кто даст одиннадцатилетнему парню больше денег за перетасканные два мешка муки? Я бы не дал. Я почти дошел до ночлежки, когда меня окликнули.

– Марк! Марк! – Это Джено, и только его сейчас и не хватало. Он бежал, размахивая руками. – Марк, ты не поверишь! Нужно поговорить. Стой же! Seriously!

Я устало посмотрел на него, но тот, похоже, не заметил моего взгляда. Когда он добежал до меня, я заметил, что он весь мокрый.

Джено старше меня на несколько месяцев, но иногда кажется, что ему всего лет восемь. Всегда шумный, и это иногда сводило с ума. Сейчас его очень трясло от чего-то важного. Переминаясь с ноги на ногу, он затараторил, да так, что

наверняка вся улица его слышала:

– Я такое видел! Такое! Ты не поверишь! Марк, я видел таких... как это... ну, волшебников, магов, типа! Марка, видел. Клянусь!

– Ко-о-о-го? – протянул я, сощурился глазами в иронической гримасе. – Кого ты видел?

– Я серьезно! Черт меня дери! Ну а как их назвать? Такие, в длинных пальто, или что там у них, у них...

Я решил прервать этот бред.

– Джено, я очень устал и мне сегодня влетит. Давай, потом расскажешь? – и я пошел дальше, в сторону ночлежки. Но Джено от меня не отставал и молча поплелся со мной.

Я шел и думал о том, что несколько монет старухе не понравятся и меня оставят без еды. Правда, этот суп с двумя капустными листьями и парой фрикаделек с трудом можно было назвать супом. Впрочем, я не жаловался. Иногда мне везло, я зарабатывал много монет и не спешил делиться со старухой. Тогда я ел в маленьких забегаловках. Иногда мясо, иногда рыбу. Иногда вообще ничего не ел, если не зарабатывал. Всякое бывало. И сейчас я думал только о еде и нагоняе, который получу от Старухи.

– Марк? – Джено надоело молчать.

– М?

– Я хочу тебе кое-что показать. Это очень интересно. Я обещаю. Если окажется неинтересно, я дам тебе тысячу пенгё.

Тут я задумался, а Джено затаил дыхание. Тысяча пенгё. Много. Мне бы точно хватило. Но откуда такие деньги у Джено?

– Покажи.

Джено посмотрел мне в глаза, потом потянулся рукой во внешний карман пиджака и достал две смятые бумажки. Каждая в пятьсот пенгё. Я видел, как его глаза на мгновение заблестели. Но усталость давала о себе знать.

– Идешь? – очень твердо спросил меня друг.

– Купить меня решил?

– Шутишь? – Джено усмехнулся. – Делюсь, вообще-то!

Пока ты мешки муки таскал, я...

– Вытащил кошелек?

Джено закатил глаза:

– Нет же! У папы попросил. Он дал: торопился сильно – и дал.

Да, Джено из богатой семьи. Хорошо, когда у тебя есть семья. Я спокойно отношусь уже к разговорам про родителей. Мои родители редко появляются, но им не разрешено забрать меня от Старухи. Они наказаны. Говорят, что плохие люди пришли и забрали моих родителей в тюрьму, а некоторые говорят, что хорошие люди пришли и забрали плохих людей в место, где им помогут стать хорошими. Второе говорят чаще первого. Иногда тех, кто говорит первое, тоже забирают.

Иногда, когда я вижу, как мой папа с огромной метлой

в руках метет улицу, а рядом стоят двое в форме, мне все реже думается, что это хорошие люди. Я знаю, что звать отца нельзя. Он не должен отвлекаться. Дважды я получал за это и еще сильнее получал мой отец. Иногда он выглядел немного побитым. А последние две недели я не видел его у рынка, где они обычно появлялись. Я посмотрел на Джено.

– Ладно, показывай, что ты там видел – я уже смирился с тем, что вернусь поздно и мне влетит. Возможно, даже придется стоять коленями на горохе. Хотя тысяча пенгё может загладить любое опоздание.

Джено заулыбался, кивнул и потянул меня за собой.

– Давай. Только быстро.

Мы свернули в темный проулок и побежали. Джено бежал уверенно и хорошо ориентируясь, а я старался не отставать от него. Еще немного, Джено поворачивает влево, я за ним. Джено бежит вперед, я за ним. На мгновение он останавливается и что-то бормочет себе, потом поворачивает направо и снова бежит. Я стараюсь не отставать, но я устал, и очень сильно. В какой-то момент я теряю Джено из вида. Но тот меня окликает, и я снова бегу. Догоняю его уже в трех проулках. Друг стоит рядом с забором, за которым старинный дом.

– Смотри.

– Куда? – Джено отходит в сторону, я замечаю небольшую щель в заборе и прилипаю взглядом.

Сначала ничего особенного не видно. Я не сразу понимаю, куда смотреть. В доме есть свет, но он ярче, чем от свеч. Даже

если бы их было много. Это не похоже ни на одно свечение, которое я видел раньше. Свет белый-белый и такой холодный, что даже глаза начали слезиться. Я видел, как свет перемещался по дому. Где-то становясь ярче, где-то чуть тусклее. Кто-то явно ходил по дому с этой лампой. На какой-то момент мне показалось, что свет идет из короткой лучины, но я подумал, что это мое воображение мне подсовывает такие штуки.

– Что это? – наконец спрашиваю я.

Джено смотрит на меня и качает головой.

Я снова смотрю в щель. Из дверей дома кто-то выходит. Кто-то высокий. Я пытаюсь рассмотреть странника, но свет слепит глаза, и я не могу увидеть кто это. Тот, кто шел со светом, что-то очень быстро произносит, и свет гаснет, глаза еще не привыкли к темноте, ая снова не понимаю, кого вижу.

Джено отталкивает меня и сам припадает глазом к щели.

– В доме никого нет. Он ушел. Видел?

– Видел.

– Может быть, посмотрим, что там в доме?

Я даже оторопел от такой наглости.

– Чего?

Джено повторил.

– Ты в своем уме? – я пытался понять, серьезно ли говорит Джено. – Если нас поймают, мы не отделаемся какими-нибудь ударами палкой по спине. Нет, я не пойду, и ты не пойдешь. Все. Возвращаемся.

Я развернулся, чтобы пойти в сторону ночлежки. Джено поплелся следом. Я был в возмущении. Забраться в дом! Еще чего не хватало?

– Мне надо идти. Старуха меня убьет. И так опоздал на добрых полчаса.

Джено кивнул. Мы постепенно возвращались на центральную улицу. Отсюда до ночлежки один квартал. Пара минут бегом.

Мы вышли на центральную улицу. Я махнул рукой и побежал в ночлежку.

Как и предполагалось, я опоздал. Старуха сидела в кресле с закрытыми глазами и курила сигарету с длинным мундштуком. Запах и дым табака тут же окутали меня.

Я сделал шаг в сторону лестницы, ведущей на второй этаж ночлежки.

– Ты опоздал, мелкий гаденыш! – проговорила старуха, медленно цедя слова сквозь злость и зубы.

– Да, мадам Басоль, – я склонил голову. Так заведено. Поднять глаза на нее в такие моменты – значит бросить ей вызов, а я не хочу этого делать.

Старуха редко вставала со своего кресла, но сейчас встала. Ох, не к добру это. Не к добру. Старуха приближалась ко мне. Я невольно втянул плечи. Сама же старуха Басоль была высокой, худой, но при этом очень быстрой. Но в этот раз она приближалась медленно. Я вдруг ни с того, ни с сего подумал, «о чем она думает?». Странная мысль тут же исчезла

ИЗ ГОЛОВЫ.

– Деньги? – проговорила старуха.

Я выложил на стол для денег одну банкноту в пять сотен.

Старуха посмотрела на деньги.

– Мало. Останешься без ужина сегодня.

– Да, мадам Басоль.

Старуха приблизилась ко мне.

– А теперь, щенок, расскажи мне, почему ты опоздал? – это было приторно ласково. И угрожающе одновременно. Что ей сказать? Правду? Соврать? Нет, я не успею ничего придумать. В прочем, про деньги не надо ей знать. У меня в носке осталось пятьсот пенгё. Придется врать. Если сказать ей правду, можно навредить себе больше. С другой стороны, не придется ничего запоминать. Проще сказать правду. Я набрал в легкие побольше воздуха и на выдохе, словно окунаясь в ледяную воду:

– Ходил смотреть на волшебника.

Старуха остановилась.

– На кого смотреть?

– На волшебника. Я на рынке услышал, что кто-то видел... – Джено нельзя упоминать при старухе.

Старуха очень быстро приблизилась ко мне и дала пощечину. Это было очень быстро и неожиданно. Я опешил. Лицо Старухи было каким-то странным. Я никогда такого лица не видел. Злое, но при этом растерянное.

– Не смей мне врать, маленький ублюдок. Думаешь, это

остроумно? Опять с этим сопляком шатался?

Щека горела, всё-таки пощечины я получал не так часто, как остальные. Слезы потекли по лицу. Я не плакал, но контролировать слезы еще не научился.

– Подожди, щенок, сейчас я возьму прут, и ты узнаешь про волшебников все. Я тебе это обещаю.

Я понял, что будет. Старуха быстрым шагом пересекла кухню и достала прут.

– Сейчас я все тебе расскажу о волшебниках, мелкий ублюдок. Отвечай быстро, где ты был и почему опоздал?

В этот момент я подумал, что правду говорить иногда себе дороже.

– С Джено ел пирожное, которое он мне купил, мадам Басоль.

Старуха остановилась. Посмотрела на меня. Это было похоже на правду. Покрайней мере прут вернулся на свое место.

– Останешься завтра без завтрака, щенок. А теперь с глаз долой.

Такие приказы надо выполнять немедленно и без лишних уточнений. Я бегом вбежал на второй этаж.

Быстрым движением открыл комнату, в которой помимо меня жило еще двое ребят. Они были старше меня и редко со мной говорили. Оба посмотрели на меня и ничего не говоря улеглись в кровать. Я тоже. Щека горела меньше. Я приложился горячей щекой к холодной, прохудившейся подуш-

ке. Стало легче. Я смотрел в окно, думая, как было бы здорово сбежать от всего этого, но я не мог. Как и остальные, кто оказался у Старухи Басоль. Дети заключенных брались ей на опеку и до освобождения родителей находились в Ночлежке. Сама же Старуха получала не малые деньги на содержание детей. Но оставляла их себе, а детей заставляла работать на рынке, а все, что заработано, приносить ей. Я много раз думал о побеге, но знаю, что это невозможно. Я пробовал. У меня было шесть попыток сбежать. Всякий раз, когда меня находили, мне доставалось от Старухи, от полицейских. Но самое страшное, что за мои побеги доставалось моим родителям. Я узнал об этом после последнего побега, когда увидел на противоположной улице моего избитого отца, который махал метлой и не смотрел по сторонам. Его длинные волосы упали на глаза, но одного мгновения мне хватило, чтобы понять, что к чему. Пока родители находятся за решеткой – я не могу ничего сделать. Самое обидное, что у меня нет возможности даже выяснить, насколько я тут застрял. Знаю, что Ант живет у Старухи уже пять лет. Значит, преступление, которое совершили оба родителя, очень серьезные. Он уже давно смирился с тем, что его за человека не держат. Ему поручают самую грязную работу. Я ворочался на жесткой кровати и не мог представить, как можно это терпеть пять долгих лет. Я попытался закрыть глаза. Сам того не заметив, я уснул.

Обычно я ненавижу свои сны. Они тяжелые. Я их не пом-

ню, но мне всегда после них тяжело вставать. Сначала ничего не происходит. Я просто проваливаюсь в свои мысли и всё. Но спустя несколько мгновений я начинаю что-то слышать. Где-то далеко заиграла убаюкивающая музыка. Она была успокаивающей. Да, я знаю, что это. Чувствую, что сон становится мягче, добрее. Я вдруг услышал, как голос мамы поет. И вдруг стало так светло. Как будто день пришел ночью. Это всего лишь сон.

*Спи, мальши, все хорошо,
Ночь пришла в наш двор.
Светит месяц за окном,
Ночь пришла в наш двор.
Мама рядом, папа спит,
Закрывай глаза.
Нет, не тронет нас беда.
Закрывай глаза.*

Удар колокола. Песня прервалась, и все снова погрузилось во тьму. Полночь. Где-то далеко я услышал, как по улице скачут несколько лошадей. Этот звук сложно с чем-то спутать. Это всего лишь сон. Но звук отчетливый, как будто он совсем рядом. Я открыл глаза.

Окно было распахнуто. Двое спали в своих кроватях. Звук лошадей усиливался. Я подошел к окну. Ветер резко влетел в комнату, и занавески хлестнули мне по лицу. Я испугался, но, подумав, что это нелепо, выглянул в окно. И замер.

На улице я увидел тройку черных, как смоль, лошадей,

которые везли за собой повозку. В повозке сидел человек, а на плече у него была ящерица. Большая. Я и не видел таких раньше. Повозка ехала медленно. Улица из-за газовых фонарей была светлой, но, как только повозка приближалась, свет в фонарях исчезал. Однако огонь снова зажигался, как только повозка проезжала. Я присел. Не хотелось попадаться ему на глаза. С другой стороны ехала пара лошадей и двое всадников. Они проехали мимо нас. Недалеко от нас они остановились и долго стояли вместе, разговаривая. Я все это время наблюдал за ними, пытаюсь понять, о чем они говорят, но идей не было. Это могло быть что угодно. Спустя, наверное, пару десятков минут они начали разъезжаться. Когда они проезжали мимо меня, я заметил в руке мужчины в повозке что-то похожее на тоненькую палку, которую тот аккуратно держал в руке концом вниз и что-то как бы чертил в воздухе. Я не поверил своим глазам. А странный мужчина, проезжая мимо меня, вдруг повернул голову и подмигнул мне. Точно говорю. Мне не привиделось.

Внезапно дверь распахнулась и в ней, со свечой в руке оказалась Старуха.

– Что ты тут делаешь, мелкий сорванец?

Я быстро собрался с мыслями. Могло показаться, что я растерялся, но на самом деле, я выбирал из пары вариантов лжи, которую мог выдать Старухе.

– Прикрывал окно, мадам Басоль.

Та посмотрела на меня с ненавистью, сжала губы, прищу-

рила глаза, но промолчала.

– Говори тише, выродок. Марш в постель, и чтобы ни звука.

Я быстро отправился туда, куда мне предложили.

Дверь закрылась, а я слушал, как Старуха пробирается в свою конуру, так я называл ее комнату.

Мне не терпелось рассказать Джено о том, что я видел.

Я закрыл глаза, и тут же в моей голове появился образ ящерицы. Она была огромной и не столько походила на ящерицу, сколько на дракона. Огромного, с большими когтями, огромной головой, зелеными глазами и в чешуе, как в броне. Таких я видел на паре картинок в детских книжках, которые были редкостью у Старухи. А на этом драконе сидел тот самый странный мужчина, который подмигнул мне. Я не смог запомнить его лицо. На какой-то момент показалось, что этот дракон летит от меня, но он развернулся и полетел в мою сторону. Странный человек на драконе что-то кричал. Я не понимал смысла слов, что он говорит, но слова легко и отчетливо стали слышны в моей голове.

– *Mala mundo ventura nullo scire potest impedire. Et veniens magnum certamen. Ave Grindelwald. Vive Grindelwald. Jégesó Grindelwald.*

Потом все стихло. Я стоял посреди Сна. И я отчетливо помнил имя. А потом я проснулся, потому что услышал:

– Подъем, выродки! Через пять минут жду всех на завтрак. Кто не появится – останется без ужина.

2. Зловещие сны

17 апреля 1939 года. Тюрма на окраине Будапешта.

День был жарким и в полном разгаре. Дел хватало, и стройная, белокожая девушка, с длинными и темными, почти черными волосами, собранными в тугий хвост, сосредоточенно работала. На вид ей было лет тридцать. Надзиратели внимательно следили за тем, чтобы Тимея не отдыхала. Когда ты сосредоточен, то не слышишь свои мысли. Она и не слышала, но странное предчувствие обручем сжимало сердце. Чем дальше уходил день, тем страшнее ей была ночь.

Тимея плохо спала и сегодня. Сны приходили все более тревожные, и от этого было не по себе. Она лежала на нарах с широко открытыми глазами, заглатывая воздух, который, как ей казалось, был наполнен странным серным вкусом и металлическим запахом.

Во сне происходило странное. Она была одна. Последней, похоже. И ей грезились стоящие строем неизвестные. Было очень сложно сказать, волшебники они или нет, но это была Сила. Во главе верхом на огромном драконе сидел странный человек. На голове у него было что-то вроде короны или ей просто так казалось, а вокруг были мертвецы. Много мертвецов. Пустые глаза, уставившиеся на Тимею. Совсем недавно погибшие, это она знала наверняка, но непостижимым обра-

зом продолжающие смотреть на нее. Страшно.

Тимея хотела закричать, но не смогла. Голос вдруг пропал. Она понимала, что это сон, но проснуться не получалось. Взгляд был прикован к той Силе, которая стояла перед ней. Она почувствовала себя беспомощной. Хотелось бежать, но и это не выходило. Немигающим, полным ужаса взглядом она смотрела на тех, кто совсем недавно убивал.

Дракон сделал шаг в сторону Тимеи, и весь строй, казалось, приготовился к атаке. Дракон медленно, как палач, приближался к Тимее. Она уже чувствовала его жаркое дыхание и запах серы. Представив, что может сделать с ней это чудовище, Тимея сделала шаг назад. С трудом, но второй шаг тоже получился. А дракон приближался. Вдруг Тимея пригляделась к лицам тех, кто стоял в строю. И закричала. Она знала всех до единого. Каждого. Друзья, враги, любимые и не очень. Все стали ими – вурдалаками. Опасными и агрессивными порождениями Гор и Тьмы, обращенные из волшебников и чародеев. А на их руках в свете луны мрачно отдавало бордово-матовым. Дракон был совсем рядом. Еще немного, и он схватит ее. И тогда Тимея побежала. Дракон метнулся за ней, вся армада тоже. Между ними была не очень большая дистанция, и эта фора покрывалась тремя взмахами могучих крыльев. На мгновение Тимея обернулась, и в этот момент она споткнулась, растянувшись по земле и больно ударившись затылком о небольшой камень. Но она заметила кое-что справа от нее. Палочка. Ру-

кой она быстро дотянулась до нее и, обернувшись, увидела приземлившегося неподалеку дракона.

Армия подходила всё ближе, но времени им нужно больше.

– Ты знаешь, кто я? – неожиданно спросил дракон. Шипя и еле проговаривая буквы. Чешуйчатая морда приблизилась к лежащей Тимее, обдав ее жаром, отчего ей захотелось зажмуриться и закрыться руками, но она этого не сделала, а только смотрела в глаза дракона. Дракон очень четко проговорил свое имя – Ловербард мое имя, смертная! Я Белый дракон! И я ищу то, что было спрятано не тобой, было найдено не тобой, похоронено в памяти их, забыто чародеями, но не тобой, и ты мне скажешь, где это. Срок тебе год!

Тимея, держа в руке палочку, вдруг почувствовала, что сквозь нее снова проходит магия. Значит, не забыла, подумала Тимея. Она поднялась на немного дрожащих, словно ватных, ногах, вытянула руку с палочкой в руках и произнесла, с трудом проговорив на давно забытом ей языке:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, змей!

Дракон вытянул голову и как-то шипяще засмеялся. Все это время он обходил Тимею вокруг. Та только сильнее сжимала палочку и целилась в Дракона, лихорадочно вспоминая слабые места.

– Понимаешь! И я заберу его не раньше, чем распустятся цветы в саду у старой Башни, Тимея Ковач, чародей! Ты ничего не сможешь мне сделать, никто не может!

Тут Дракон опустил голову и со специального седла спустился толстяк, во фраке, цилиндре, в лакированных туфлях и очень уверенно пошел к Тимее, но лица его было не разглядеть. Та навела на него палочку, но наездника это не остановило. Он продолжал идти. А Дракон тем временем стоял неподвижно, лишь хвост равномерно двигался в разные стороны, рассекая воздух. От нее не скрылся насмешливый взгляд. Тимея крикнула уже окрепшим голосом:

– Остановись, иначе я...

– Иначе что? – с насмешкой спросил Толстяк, доставая свою палочку.

– Арагис! – воскликнула Тимея, струйка желтого пламени сорвалась с палочки, попала в левую ногу толстяка, но больше ничего не произошло. Толстяк засмеялся.

– Ты ничего не можешь сделать в снах, это не твой мир. Но сон ты запомнишь: это предупреждение тебе и твоему предателю-мужу. Вы склоните головы и отдадите души во славу Гриндельвальда, если не сделаете то, что должны! Отдай нам это, и никто не пострадает из тех, кто тебе дорог.

Тимея занервничала. А Гостый продолжал идти все ближе и ближе. И вот оно, его лицо. Оно было ей знакомо, но очень давно и смутно. По имени она не помнила. Или не знала. Толстяк приблизился почти вплотную, и Тимея почувствовала его запах. Muskus и лаванда. Она точно знала этот запах, но память ничего не хотела ей возвращать. Толстяк встал прямо напротив Тимеи, и она приготовилась к тому, что ее,

возможно, убьют сейчас. Но вместо этого незнакомец забрал из ее руки палочку.

– Мало ли что, а? – издевательски подмигнув, развернулся и пошел к дракону. Когда Толстяк залез на свое место, дракон раскрыл пасть, и Тимея почувствовала, как земля под ногами плавится, а сама она превращается в горсть пепла. – Я передам привет Марку!

Где-то вдалеке она услышала, а может ей так показалось, что Толстяк кричал «Да здравствует Гриндельвальд». Тимея вдруг открыла глаза.

Серный запах никуда не исчез. Но вокруг нее стояли несколько товарок, которые внимательно, с тревогой на нее смотрели.

– Ты кричала.

Тимея приподнялась на локтях, но голова ее закружилась, и она плюхнулась на жесткие нары и закрыла глаза.

– Сильно? – Спросила Тимея.

– Да, как будто тебя режут.

– Даже хуже. – кто-то еще добавил. Тимея лежала с закрытыми глазами и не знала, что сказать. Кто-то коснулся ее лба.

– Да ты вся горишь!

Тимея молчала, она чувствовала, что сон еще держит ее в своих руках. Тело ломило, а сознание хотело провалиться, но одной волей она держала себя, оставаясь в сознании.

– Эй, врача!

Товарки уже стучали по двери камеры. На дворе очень

раннее утро, может, часов пять утра, по ощущениям Тимеи. Через несколько минут пришла надзирательница.

– Чего у вас тут? Ну-ка! Отошли от двери! – строгий женский голос был с хрипотцой и отдавал презрением.

– Плохо тут человеку! Врача надо!

– Нет врача еще, до полудня не будет! А теперь заткнулись и разошлись по нарам, а то в карцер всех! – кричала-гавкала надзирательница.

Товарки разошлись по местам, а Тимея лежала без сил и чувствовала, что грядет что-то большое. Это изменит мир, и он уже не будет прежним. Она закрыла глаза и провалилась в объятия Морфея, и до самого подъема не видела снов.

3. Кто ты и что ты тут делаешь?

18 АПРЕЛЯ 1939 года, Будапешт

Старуха шла своей шаркающей походкой по первому этажу. Значит, на часах семь утра. Нет, 6:59, потому что я слышал ее шаги раньше, чем она трубно заголосила:

– Подъем, выродки! Через пять минут жду всех на завтрак. Кто не появится – останется без ужина.

Я помнил, что вчера Старуха запретила мне завтракать, но спуститься должен был. Был у Старухи садистский прием: наказанный должен был наблюдать, как едят остальные. Я натянул чистые носки, рубашку и штаны. Пока я боролся с пуговицами и ремнем, прошло три минуты. Опаздывать нельзя. Если Старуха сказала пять минут, значит пять минут.

Старуха прокричала:

– Минута!

Мои «соседи» тоже были почти готовы. Осталось только надеть неудобные ботинки и все готово. Ант и Боки, так же как и я, отданные Старухе, оба уже спускались по лестнице. Я же завязывал шнурок. Когда я спустился по лестнице и оказался в просторной гостиной я наткнулся на взгляд Старухи, она смотрела на меня с презрением. Я сделал вид, что не понял ее взгляда. Старуха сузила глаза и мягким и приторным голосом произнесла:

– Ты опоздал, Ковач.

Делать нечего. Я опустил голову и произнёс:

– Прошу прощения, мадам Басоль.

Остальные сидели за столом и склонили голову. Нельзя поднимать ее и смотреть на наказанного, пока Старуха вершит «правосудие».

– Он просит прощения! Слышали? – и тут началась старая лекция. – Вы должны понимать, мальчики, почему я так строга с вами. Вы молоды и неопытны. Неспособны пока правильно смотреть на мир. И раз на меня была возложена миссия по опеке, я должна ее выполнить, максимально нанеся вам пользу. Труд действительно помогает сделать из молодых людей мужчин. Я обязана вложить в ваши неокрепшие умы желание трудиться на благо. Помните о том, что вы будущие мужья и у вас тоже будут дети, которые тоже должны будут вырасти добрыми людьми, ценными в обществе.

Тут Старуха плавно перешла к вопросам дисциплины, преступления, наказания и ответственности за свои поступки.

Спустя двадцать минут тем, кто не наказан было разрешено позавтракать, а я остался стоять и смотреть. Но есть не хотелось, поэтому я вполне спокойно наблюдал эту картину. Больше всего мне хотелось покинуть ночлежку и выйти на свежий воздух. Все, как назло, ели медленно. Как будто сговорились. А мне не терпелось увидеть Джено и рассказать ему то, что я видел.

После завтрака Старуха, как обычно, отдавала распоряже-

ния, и я оказался, как обычно, грузчиком и мальчиком на побегушках на рынке. Остальные разбрелись по своим делам. Ант в коровник, а Боки досталось работать по домашним делам. Это значит, что Боки должен будет быть у бакалейщика, найти слесаря, потом оказаться в паре мест, вернуться домой и сделать все по дому. В том числе стирка. В общем, не очень повезло. Это не приносит денег. Зато не надо будет по ветру ходить и бояться простыть. Простыл – не приносишь денег – не ешь. В понятиях Старухи это было справедливо и практиковалось постоянно.

Анту досталось как обычно. Самый адский труд. Все знают, что коровники Старухи самое грязное место в мире. После завтрака Ант встал и не поднимая глаз пошел в кладовую, чтобы взять комбинезон, перчатки и ватник с резиновыми сапогами, которые все равно не помогали.

Детям в доме Старухи запрещено разговаривать друг с другом под угрозой наказания попасть на чердак. Что там, на чердаке, никто не знает, но слухи о нем знает даже Дженно. И самое главное, дети никогда не пересекаются работой. Старуха понимала, что поодиночке мы не сможем придумать план побега. Я признавал, что это было очень умно.

Я смотрел, как Ант уходит через заднюю дверь, Боки поднялся наверх и скоро должен был спуститься, чтобы идти в бакалею. Я же, получив возможность наконец-то выйти из дома Старухи, распахнул входную дверь и вышел в утро.

Оказавшись на утренней прохладе, я огляделся. Фонари

на месте. Еще горят, но с каждой минутой становится светлее, и скоро должен был появиться человек, гасящий газовые колонки у фонарей. Да, так и есть. Через пару минут появился в рыжем костюме лысеющий старик, который быстро и методично выключал фонари. Это не было похоже на то, как гасли фонари тогда, ночью. Я посмотрел туда, где повозка остановилась. Ничего необычного. Дом как дом. Да и улица ничем не отличалась от улицы, которую я знал всегда. Значит, это случайность? Может быть. Но Джено все равно расскажу. И еще надо рассказать про имя, которое я запомнил. Интересно, что оно значит? Со школы я никого не знал. Ни одна историческая личность не носила имени из сна. Может быть, покопаться в библиотеке? Библиотеки открываются в девять утра. У меня было примерно полчаса, но я не мог это сделать прямо сейчас. Сначала рынок. Если Старуха узнает, что меня не было на рынке, – проблем не избежать, я легко могу оказаться на месте Анта. Нет уж. Поэтому я быстрым шагом направился на рынок. Если успеть к открытию, то больше людей меня увидят. А это то, что мне сейчас нужно.

Рынок находился в часе ходьбы от ночлежки. Когда я пришел к рынку, то увидел, как торговцы только приходят к складам, открывают их, достают тележки и нагружают их тюками с товаром. Я пошел туда, где меня знали. Пробежав между рядами, я попался на глаза немолодой торговке, которая, завидев меня, махнула рукой:

– Марка! Давай сюда!

Я прибежал к ней. Торговка улыбнулась и затараторила:

– Я потянула спину. Не могу загрузить тележку. Загрузишь, отвезешь к лотку, разгрузишь – дам двести пенгё, идет?

– Идет! – легко ответил я и принялся за работу. Тюки были тяжелыми. Я загрузил их на тележку и связал веревками, чтобы они не упали по дороге. Когда все было готово, я повез тележку к лотку. Ее место на рынке было недалеко от входа, я его хорошо знал, поэтому достаточно быстро пригнал тележку и, разгрузив ее, получил свои деньги и отправился обратно к складам. Проходя мимо больших дверей, я подходил к торговцам, спрашивая:

– Помощь? – отказ.

– Урам, урам! Помощь? – снова отказ.

– Пани, помощь? Недорого!

И так час, пока все торговцы не разбредутся по лоткам. Итого за утро я заработал всего двести пенгё. Мало. Чем теперь заняться? Можно помогать покупателям или торговцам, которые будут продавать большие партии или если у кого-то закончится товар. Надо держать ухо востро, чтобы успеть быстрее, чем местные базарники, беспризорные дети, обитающие на рынке. Тут свой рынок и своя конкуренция. И да, их нельзя бояться. Иначе ограбят. Меня несколько раз пытались, но безуспешно. Я приходил в синяках, но с деньгами, которые не отдал. Старуха не задавала вопросов, про-

сто забирала деньги, а на следующий день отправляла меня снова на рынок.

По моим прикидкам, Джено должен был уже в одиннадцать часов прийти на рынок за продуктами. Отлично. Есть еще пара часов. Сон не шел из головы. Что говорил тот, который был на драконе? Я точно не знаю того языка, на котором говорил странный на драконе. А единственная фраза, которая мне точно была понятна, связана с именем. Терпение было на исходе. Если я еще буду медлить, то просто сгорю от любопытства. Я стал лихорадочно соображать, как сбежать с рынка в такое время, когда торговцам я мог понадобиться в любой момент. Единственный путь был через вторые ворота. Да, это большой крюк, но зато я не попадусь ни одному из торговцев на глаза. А если меня заметят, так я легко смогу оправдать мой поход тем, что иду на склады. Нормально. Теперь надо просто дождаться Джено, и можно будет попробовать.

Я ходил между рядами торговцев. Они весело шутили, говорили о своих делах, практически не замечая меня. Время подходило к половине одиннадцатого. Пройдя очередной ряд и попутно предложив всем помощь (о заработке я никогда не забывал) я повернул в сторону основного входа на рынок. Как раз успею дойти, чтобы увидеть пришедшего Джено.

Каникулы в самом разгаре, а потому он спит, как хорек, до самого последнего поющего петуха. Я почти пришел, ко-

гда увидел несколько бритых голов, которые шли в мою сторону. Решение пришло моментально. Я свернул в сторону вторых ворот. Мне не нужна встреча с ними. Не сегодня. Когда я было двинулся в нужную сторону, меня окликнули.

– Эй, Марка!

По спине прошел холод.

– Марк! Иди сюда!

Я обернулся и выдохнул. Это был молодой парень с усами, которые он прилежно стриг, Булу. Он махал мне рукой. Я улыбнулся и подошел к нему:

– Да, урам, чем могу помочь?

– Не урам, Марк, а Булу, я же просил тебя, – Булу пожал мне руку. – Занят?

– Не, время есть, – я не отказываюсь от денег никогда, особенно когда просит Булу. Он всегда хорошо платит.

– Отлично. Тогда вот что: нужно отнести продукты мадам Лиару и взять у нее плату за них. Она живет недалеко от Ратуши. В двадцать четвертом доме. Я дам тебе за это пятьсот пенгё. Берешься?

Я думал меньше секунды и затем кивнул. Булу повел меня за лавку и дал два увесистых пакета. Лучше повода уйти с рынка нельзя было и придумать. Потом он провел меня до главных ворот:

– Ну, все. Жду тебя обратно с деньгами. Полторы тысячи пенгё. Давай, Марка, иди.

И я пошел. Нужный дом нашелся практически сразу. Передав продукты и получив деньги, я решил, что сначала отдам их, а потом позволю себе уйти с рынка. Алиби было готово, и все видели, как я уже уходил и возвращался. Мало ли зачем меня послали, да? Так и поступил.

Когда Булу отдал обещанные деньги, я решил, что теперь можно пойти заниматься своими делами. По крайней мере, до вечера времени хватает, чтобы не вызывать подозрений. Если вечером меня не будет, то торговцы это заметят и будут проблемы.

Я вышел через основной вход на рынок и побежал в сторону библиотеки. Меня что-то подгоняло, а в голове назойливо стучало «*Jégeső Grindelwald*»

Я бежал со всех ног. На меня смотрели как на ненормального, но это было неважно. Пару раз я чуть не налетел на лавки, которые ставят цветочники рядом со своими домами или теплицами.

– Эй, аккуратнее! Босота совсем не уважает порядки! – с этими словами толстяк в клетчатой рубашке и комбинезоне чуть не снес меня горшками, которые тащил в крупных руках.

– Извините, урам! – на бегу крикнул я.

Я продолжал бежать и даже ни капли не устал. Где-то за моей спиной прозвучал глубокий и сильный удар колокола. Потом еще один. Я был почти на месте. Я уже видел колонны городской библиотеки. Тогда я перешел на шаг. Во-

круг меня ходили люди, проезжали возницы и автомобили. Я остановился, как будто кто-то держал меня. Оглянувшись и не обнаружив никого, кто мог бы следить за мной, я зашагал в сторону библиотеки.

Если бы он просто прошел мимо, ничего бы не произошло. Сейчас это очевидно. Я ведь видел его раньше. Я почти подошел к библиотеке, когда меня снова сбил с ног толстый и высокий, с тростью в руке. Когда я упал, больно приземлившись на задницу, он повернулся ко мне на мгновение, и этого хватило. Как вспышкой в голове пронзило имя «Гриндевальд». И дракон.

Толстый с тростью удалялся, а я, поднявшись на ноги и потирая ушибленный зад, почему-то стоял еще секунд десять. В конце концов, толстый находился в поле зрения, и я пошел за ним. Толстый шагал быстро, а тростью скорее отбивал ритм, чем опирался на нее реально, и я то и дело сбивался на бег, чтобы не потерять из виду обидчика. Толстый тем временем петлял по улочкам, сворачивая то в одну узкую улицу, то в другую. Я старался запомнить путь обратно и не мог: скорость, с которой передвигался толстый, и скорость, с которой приходилось двигаться мне, не давали ни малейшего шанса задуматься.

Эта погоня продолжалась уже довольно долго, а я почти не приблизился к толстому. Да и что бы я ему сказал? Я уже перестал понимать, зачем вообще отправился за ним! В боку уже колело, я напрочь заблудился, и к тому же у меня

оставалось мало времени, чтобы вернуться на рынок. Сделав очередной поворот, толстый скрылся с моих глаз. Я поднажал и остановился около угла, куда свернул мой визави. Я заглянул за угол. Никого. Только арка, мусорные баки и тупик. Ни толстого, ни прохода вперед. Глухие стены, без дверей и окон. Я сначала подумал, что мне мерещится. Пришлось пару раз моргнуть. Всё по-прежнему. Я вышел из-за угла. Сделал несколько шагов в арку. Прислушался. Странно. Я продолжал идти вперед, но не мог понять, что происходит. Что-то очень тревожило меня. Когда я понял, что, было поздно. Следующий шаг давался очень тяжело, как будто пришлось выбираться из болота. Но когда я его сделал, сердце у меня чуть не выскочило из груди, а грязное ругательное слово застыло на языке. Я перестал что-либо понимать, потому что весь мир перевернулся вверх тормашками.

Я стоял на улице, солнце светило, было немного прохладно, однако я тут же вспотел в своем прохудившемся пальто, хотя был уверен, что замерзну. В Будапеште в апреле всегда холодно. Шаг. Улочка, где я видел глухую стену, уходила дальше. Стена была, но дальше. И до нее был поворот налево и еще одна арка. Я пошел вперед. Дошел до арки, но выходить не спешил, заглянул за угол. Люди были. Но выглядели они немного странно. Я смотрел на то, как они одеты, и мои глаза расширились от удивления, а челюсть чуть не отпала. Я и не видел-то таких одежд раньше. Хотя нет, видел, даже припомнил, где. В театре. В какой-то исторической поста-

новке, которой и названия не помню. Мужчины и женщины, дети, собаки, кошки и... крысы. Совершенно спокойно шли по тротуару, разговаривая или спеша по своим делам. Мужчины, практически все стройные, в шляпах, формы и размеры которых сразу бросались в глаза, некоторые в плащах, невысоких сапогах, просторных рубахах. У некоторых жилеты. Женщины же были одеты в просторные платья, на головах у некоторых были шляпы, а у некоторых береты или платки. Город жил.

Я пытался глазами найти толстого, но он пропал. Я посмотрел назад, на место, откуда я пришел. Арка и стена. В этот раз я уже не удивился. Прислушался к себе: дыхание не очень ровное, в висках стучит. Я решил пройти до конца арки и потом вернуться. Вышел из-за угла и сделал несколько неуверенных шагов. Небольшой ветерок подул на меня. Когда я вышел из арки, мне пришлось расстегнуть пальто, потому что мне было жарко. Это была совсем майская погода. Я огляделся, народу оказалось гораздо больше, чем я мог видеть, пока стоял за углом.

Я заметил их первым. Черные пальто, на голове что-то военное, со шпилем, а лица закрыты чем-то, с большими, черными же глазницами. В руках у них ничего не было. Я не знал, кто это. Подумал, что военные. Слишком уж четко все у них. Таких... кого, военных ли, я еще не видел. Они шли слаженно, не нарушая строй. Я загляделся, потому что выглядело это жутко и завораживающе одновременно. Дой-

дя до первых перекрестков, две группы отделились от основной колонны и пошли каждая в своем направлении. Попутно от основной колонны отделялись по одному-двум людям, и те заходили в здания. Во все здания. И тогда я услышал первые крики. Кричали женщины. Я обернулся и увидел, как двое черных тащили за руки молодую девушку. За ними бежал усатый, немолодой мужчина, который выхватывал палочку и что-то кричал черным. Его не стали игнорировать: один что-то резко произнес, и из его руки вылетело оранжевое пламя, которое пробило усатого насквозь. Тот упал и больше не поднимался. Снова крик, я огляделся, и снова оранжевое пламя, которое выбилось из груди девушки, бежавшей в мою сторону. Это было очень быстро, люди просто падали замертво.

Тем временем колонна продолжала идти. Она становилась меньше, а из зданий, в которые заходили черные, я слышал крики, звон разбивающихся окон и вылетающие то тут, то там зеленые вспышки.

Вдруг по всей улице разнесся чей-то голос:

– Hände hoch. Nicht bewegen. Keine Fragen gestellt werden.

Руки поднять вверх. Не шевелиться. Не задавайте вопросов.

Через несколько секунд снова то же самое.

Я видел, как бежали дети примерно моего возраста, как в них попадали зеленые вспышки, как, словно подкошенные, падали они, разбивая себе лица, но уже ничего не чувствуя. Видел, как некоторые мужчины, выхватывая короткие па-

лочки, пытались сопротивляться, палочки выбивали то синие всполохи, то белые. Как некоторые попадали в черных и не причиняли им никакого видимого вреда. Я видел, как быстро и слаженно черные пресекали все попытки к сопротивлению оранжевыми вспышками. И тогда я запаниковал. Я никогда не видел смерть так близко. Только что, еще живые, они умирали. Я хотел кричать, но дыхание перехватило и в голове запульсировало от боли.

Я попятился в арку, чтобы скрыться за углом и снова пройти в стену, из которой вышел. Когда у меня почти получилось, мне на глаза попала девочка примерно моего возраста, которая бежала в мою сторону. Двое черных заметили ее, но пущенный в нее заряд угодил в стену, где стоял я, а та, в свою очередь, развернувшись на бегу, взмахнула палочкой, что-то прокричав. Из палочки вырвалась белая змейка дыма. Черные тоже не стали ждать и пару раз вспышки пролетели очень близко от головы. На секунду она остановилась и прокричала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.